

Откройте все окна и двери

СЕЗОН ТОЛЬКО НАЧАЛСЯ, НО КОЕ-КАКОЙ ИТОГ УЖЕ ЕСТЬ: В РОССИИ ОСТАЛСЯ ОДИН НАСТОЯЩИЙ ПИАНИСТ – МИХАИЛ ПЛЕТНЕВ

■ Наталья ЗИМЯНИНА

Очень редко – скажем, раз в два года – играющий здесь сольные концерты Плетнев словно свысока поглядывает на нашу молодую пианистическую поросль. Мацуев или Гиндин, Луганский или Руденко, Урасин или Кобрин – много ли открытий сделает на их концерте меломан, слышавший и переслышавший весь их фортепианный репертуар в конгениальном исполнении ушедшего поколения Рихтера и Гилельса? Да никаких. А все симпатичные такие, труженики, небездари, все обросли поклонниками, попробуй слово скажи...

И когда приходишь к унылому выводу, что громоздкий черный инструмент, за которым ты пристально и с любовью следишь всю жизнь, отчего-то умирает на глазах – вдруг снова наконец объявляется Плетнев.

Серию концертов он посвятил 100-летию Владимира Го-

ровица. И честь и хвала фонду «Музыкальный Олимп», проведшему его выступление сначала в Киеве, где Горовиц учился. Через день – в Харькове, в зале, где Горовиц неоднократно играл. В Казани, где начинал сам Плетнев. И вот 8-го – Москва, Большой зал Консерватории, и тут же, 9-го, – Санкт-Петербург.

Я верю, что сейчас в Харькове, где зал не вместил толпы желающих, открыли все окна и двери – чтобы слушали все, уж как получится. Если бы то же самое сделали в Москве – история бы повторилась.

Холодное техническое совершенство Плетнева не кажется соотносимым с манерой Горовица, во всяком случае той, которая была продемонстрирована на его, уже 83-летнего старика, концерте в Москве в 1986 году. Хотя в хрестоматийных грамзаписях далеких десятилетий Горовиц представляется куда менее игривым. Но все же не столь рациональным, как иногда

Плетнев. (Горовица вообще никогда не относили к «интеллектуалам», а Плетнева – прямоком.) Горовиц был последним романтиком; Плетнева романтиком совсем не назовешь. Оба интроверты, но Плетнев умеет взять сочинение словно на одном дыхании. Горовицу, кажется, иногда важнее эффектные детали.

Явно объединяет их все же именно безупречная техника: какие гаммы, трели, октавы, какие «легкие пальцы»! (Надо ли говорить, что это абсолютно невидимые миру слезы артистов.). Еще – секрет тишайшего пиано, из которого не выпадает ни звука. И еще, как кажется, очень простые вещи, на которые сейчас всем наплевать (возможно, это называется культурой). Объясню на примере.

Горовиц – ученик Феликса Blumenfelda по Киевской консерватории. А я и сама училась у его ученицы Ундины Михайловны Дубовой-Сергеевой и наслушалась немало историй и анекдотов о Горовице. В частности, он в профиль был вылитый Шопен и весьма на этом играл, кажется, даже пудрился для романтической бледности. Сходство подтверждали люди, помнившие (!) Шопена. (В 1925-м Горовиц эмигрировал.) Но еще больше – о Феликсе Михайловиче, чьи правила передавались в нашем классе из рук в

руки. Одно из них: если композитор просит повторить фразу – то, наверное, не для того, чтобы отдолбить ее в точности один к одному? Но все наши пианисты делают именно так!

И дело уже дошло до того, что игра Плетнева кажется просто чудом, когда в Бахе или Моцарте фраза второй раз повторяется совершенно иначе. Как минимум – на тончайшем пианиссимо. Или фразы-близнецы звучат повпросом и ответом. Или – по симметрии – бабочкой какой-то. Или в чем-то драматически сталкиваются.

Уже по этому примеру легко понять, как интересно слушать Плетнева. Программа была не самая попсовая: шестая партия и «Чакона» Баха, мажорное Рондо и минорный 20-й концерт Моцарта. В зале стояла такая гробовая тишина, что Плетнев, кажется, только в финале «Чаконь», с наивным шиком (учитывая сегодняшние звуковые возможности вплоть до электроники) обработанной рукой виртуоза Бузони, позволил себе явное форте. А так – зачем? Слышно все до ужаса: соседка сказал, что мурашки бегут, что такого не бывает...

Есть фильм Антониони – «Ускользающая красота». Этот термин так подходит и к Плетневу, и к Горовицу – не успеваешь захватить, ахнуть от красоты звука, только, может, головой покачаешь – а там уже другой звук-

мир перетекает в третий. На спинку кресла некогда откинуться, не упустить бы ничего! – так и сидишь с затекшей спиной.

В антракте остаюсь в зале – чтобы ни с кем не трепаться, не развеять то, что мне сейчас с таким трудом (для меня) в голове, в душе собрали.

Второе отделение шло с камерным составом Российского национального оркестра. Плетнев, единый в двух лицах, мог, например, правой рукой играть мелодию, а левой ладонью легонько указывать оркестру то-то и то-то (что само по себе выглядело эстетично). Мажорное рондо Моцарта оттенило не просто грусть последовавшего концерта. Тихая моцартовская печаль все-таки куда трагичнее бетховенского надрыва.

Зал стоя благодарил музыканта за выдающееся выступление. Не без корыстной надежды на какой-нибудь веселенький горовицевский бис вроде «Польки» Рахманинова или эстрадной обработки. Но герой вечера, аккуратно приняв все цветы (пейте вашу славу, Маэстро, заслужили как никто!), по обыновению, невозмутимо и не слишком глубоко откланялся – и опять же одним движением ладони свернул оркестр. Никогда не узнаешь, сколь дорога ему его слава. Наверное, это и есть достоинство.

Per. Moshka - 2003 - 10.05.03 - с. 6